

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ДИН КУНЦ

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ!

Интерлюдия Томаса

Дин Рэй Кунц
Интерлюдия Томаса
Серия «Странный Томас», книга 5

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4856722
Интерлюдия Томаса: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-61254-3

Аннотация

Наделив Томаса сверхъестественными способностями, Судьба или Высшие силы обрекли его на бесконечные странствия от одного ада к другому, чтобы предотвратить ту или иную трагедию. Загадочная спутница Томаса Аннамария убеждает его свернуть к «Уголку гармонии», который отнюдь не оправдывает своего названия. Чудовищные эксперименты, проводившиеся поблизости в подземельях недавно закрытой военной базы, привели к не менее чудовищному результату. В погоне за сверхмогуществом и личным бессмертием ученый Норрис Хискотт ввел себе ДНК инопланетянина. Превратившись в монстра, он опутывает большую семью Гармони, обслуживающую ресторан и гостиницу для автотуристов, оковами абсолютного зла. И только Томас, рискуя жизнью, может положить конец этому бесконечному кровавому ужасу...

Впервые на русском языке!

Содержание

Часть 1	4
Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Дин Кунц

Интерлюдия Томаса

Часть 1

К югу от Мунлайт-Бей

Ох! Они слишком прекрасны, чтобы жить! Слишком, слишком прекрасны.

Чарльз Диккенс.

Жизнь и приключения

Николаса Никльби

Глава 1

Говорят, все дороги ведут домой, если хочется туда попасть. Мне не терпится вернуться домой, в городок Пико Мундо и пустыню, посреди которой он процветает, но дороги, похоже, ведут меня от одного ада к другому.

С переднего пассажирского сиденья «Мерседеса», через боковое окно, я наблюдаю за звездами, которые, кажется, застыли на месте, но на самом деле они перемещаются и уходят. Они вроде бы вечные, но на самом деле всего лишь солнца, которые однажды погаснут.

Сторми Ллевеллин в детстве потеряла мать, Кассиопею. Я потерял Сторми, когда нам было по двадцать лет. Одно из северных созвездий называется Кассиопея. Ни одна группа далеких звезд не зовется Сторми.

Ночью я могу видеть тезку Кассиопеи высоко над головой, а Сторми вижу только в памяти, где она остается такой же бесконечно живой, как любой человек, который мне встречается.

Начало звездам и всему, что есть во Вселенной, положил Большой взрыв, и тогда же начался отсчет времени. Некое место существовало до Вселенной, сейчас существует за ее пределами и будет существовать, когда Вселенная исчезнет. В этом таинственном месте, вне времени, меня ждет Сторми.

Время можно покорить, только устремляясь сквозь время, путь вперед – единственный, который вернет меня к моей девушке.

И опять, в свете недавних событий, меня называли героем, хотя и на этот раз я себя таковым не чувствую.

Аннамария настаивает, что несколькими часами раньше я спас целые мегаполисы, уберег тысячи человеческих жизней от ядерного терроризма. Даже если это правда, я чувствую, что в процессе спасения лишился части своей души.

Чтобы сорвать заговор, я убил четырех мужчин и одну молодую женщину. Они убили бы меня, будь у них такой шанс, и пусть мои действия, безусловно, расцениваются как само-защита, убийства все равно тяжким камнем лежат на сердце.

Я родился не для того, чтобы убивать. Как все мы, я родился, чтобы радоваться жизни. Но этот жуткий мир губит большинство из нас, безжалостно перемалывает в своих металлических шестернях.

Покинув Магик-Бич, опасаясь преследования, я сидел за рулем «Мерседеса», который одолжил мне мой друг Хатч Хатчисон. Когда отъехал несколько миль, воспоминания

о недавнем насилии навалились и сокрушили меня, поэтому я свернул на обочину и поменялся местами с Аннамарией.

Теперь, сидя за рулем, она говорит, утешая меня: «Жизнь тяжела, молодой человек, но так было не всегда».

Я знаком с ней менее двадцати четырех часов. И чем дольше знаю ее, тем более загадочной она становится. Ей, вероятно, восемнадцать, она на четыре года моложе меня, но кажется гораздо старше. Она часто говорит загадками, но я чувствую, что значение ее слов открывалось бы мне, будь я мудрее.

Простенькая, но обаятельная, миниатюрная, с идеальной белоснежной кожей и большими темными глазами, она на седьмом месяце беременности. Любая женщина ее возраста, в подобном состоянии и такая же одинокая, должна ощущать тревогу, но она спокойна и уверена, словно точно знает, что она неуязвима для беды... и зачастую выясняется, что так оно и есть.

Никаких романтических отношений у нас нет. После Сторми они не для меня. И хотя мы не говорим об этом, нас связывает особая любовь, платоническая и глубокая, необычайно глубокая, учитывая, что мы знакомы столь короткий срок. У меня нет сестры, но, возможно, я бы так относился к Аннамарии, если бы был ее братом.

Из Магик-Бич до Санта-Барбары, куда мы держим путь, четыре часа езды, вдоль побережья. Мы ехали меньше двух часов, когда, миновав живописный город Мунлайт-Бей и Форт-Уиверн, армейскую базу, закрытую после окончания холодной войны, Аннамария спрашивает: «Ты чувствуешь, как это тебя притягивает, странный ты мой?»

Меня зовут Одд Томас. Я объяснял почему в предыдущих томах моих мемуаров и, несомненно, буду объяснять в последующих, но не в этом, где рассказывается о коротком отклонении от магистральной линии моего путешествия. До Аннамарии только Сторми называла меня «странный ты мой».

Я повар блюд быстрого приготовления, хотя не работал в ресторане с тех пор, как покинул Пико Мундо восемнадцать месяцев тому назад. Мне недостает сковороды, недостает фритюрницы. Такая работа требует концентрации. Это, можно сказать, не просто работа, а образ жизни.

– Ты чувствуешь притяжение? – повторяет Аннамария. – Так луна вызывает приливы.

Свернувшись клубочком на заднем сиденье, золотистый ретривер Рафаэль рычит, словно отвечая на ее вопрос. Другая наша собака, белая немецкая овчарка Бу, естественно, не издает ни звука.

Откинувшись на спинку сиденья, прижимаясь головой к холодному стеклу дверцы, наполовину загипнотизированный созвездиями, я не ощущал ничего необычного, пока Аннамария не задала этот вопрос. И тут же безошибочно почувствовал, как что-то в ночи зовет меня, не в Санта-Барбаре, а где-то еще.

У моего шестого чувства несколько составляющих. Первая – я вижу души тех мертвых, которые не спешат перебираться на Другую сторону. Часто они хотят, чтобы я помог покарать их убийц или подбодрил их самих, придал смелости перейти из этого мира в последующий. Еще одна составляющая – время от времени я вижу пророческие сны. И с того момента, как я покинул Пико Мундо после насильственной смерти Сторми, меня притягивает к тем местам, где может произойти что-то страшное, словно какая-то Сила хочет, чтобы я появился там заранее и предотвратил трагедию.

Моя жизнь служит загадочной цели, которую я не понимаю, но день за днем, конфликт за конфликтом, я учусь приходить туда, где я нужен.

Теперь, к западу от меня, я вижу только черное, грозное море, в котором светится перекошенное отражение ледяной луны, напоминающее большую серебристую кляксу.

В свете фар прерывистая белая линия тянется на юг.

– Ты чувствуешь притяжение? – вновь спрашивает Аннамария.

Со стороны материка холмы темные, но впереди и правее озеро теплого света приглашает путешественников в зону отдыха, вынесенную за пределы города.

– Да, – отвечаю я. – Эти огни.

Едва эти слова произнесены, я знаю, что там мы найдем смерть. Но нет никакой возможности повернуть назад. В таких случаях я вынужден действовать. А кроме того, эта женщина, похоже, стала моей второй совестью, мягко напоминая, что я все должен сделать правильно, если вдруг я начинаю колебаться. В ста ярдах после большого щита с обещанием «ЕДЫ, ГОРЮЧЕГО, КРОВА» мы видим съезд с магистрали. Аннамария вписывается в него, практически не снижая скорости, уверенно и умело.

Когда мы останавливаемся на знак «СТОП» в конце съезда, я спрашиваю:

– Ты тоже чувствуешь?

– Я не такая одаренная, как ты, странный ты мой. Я ничего такого не чувствую. Но я знаю.

– Что ты знаешь?

– Все, что мне нужно знать.

– Что именно?

– Именно это.

– Но все-таки, что ты знаешь?

Она улыбается.

– Я знаю, что имеет значение, как это работает и почему.

Улыбка указывает, что ей нравится раздражать меня подобными загадками... она, конечно, сознательно дразнит меня, но совершенно без злобы.

Я не верю и в то, что она может обмануть. Убежден, что она всегда говорит правду. И в разговорах со мной она не пользуется никакими шифрами. Да, говорит правду и только правду, но, возможно, беря пример с поэтов: окольным путем, используя парадоксы, символы, метафоры.

Я встретил ее на общественном пирсе в Магик-Бич. Ничего не знаю о ее прошлом. Даже не знаю ее фамилии; она заявляет, что фамилии у нее нет. Впервые увидев Аннамарию, я почувствовал, что она хранит удивительные секреты и ей нужен друг. Она приняла мою дружбу и подарила мне свою. Но за свои секреты держится крепко.

Знак «Стоп» поставлен на пересечении с дорогой местного значения, которая проложена параллельно автостраде. Аннамария поворачивает налево к автозаправочной станции, открытой даже в тихие предрассветные часы. Бензин предлагается с дисконтом, при необходимости можно вызвать механика.

Вместо двух десятков колонок, какие обычно установлены на автозаправочной станции для грузовиков, здесь их всего четыре, на двух бетонных островках. В данный момент не используется ни одна.

Построенное в 1930-х годах здание с плоской крышей и с белыми оштукатуренными стенами украшено безошибочно узнаваемыми элементами арт-деко, включая подсвеченный фриз. На фризе стилизованные автомобили и борзые мчатся наперегонки, желтые, серые, небесно-синие.

Здание уникальное, маленькая архитектурная жемчужина тех времен, когда даже самые скромные сооружения возводились со вкусом и по индивидуальному проекту. Теплый свет, льющийся из стеклянных дверей, наверное, выглядит притягательным для обычного путешественника, но не для меня.

Интуиция иногда шепчет мне, но крайне редко говорит громче. Сейчас же она буквально кричит, предупреждая, что место это может радовать глаз, но под привлекательной формой таится что-то ужасное.

На заднем сиденье вновь негромко рычит Рафаэль.

– Не нравится мне это место, – говорю я.

Аннамарию мои слова не волнуют.

– Если бы нравилось, молодой человек, не было бы причины приезжать сюда.

Эвакуатор стоит рядом с мастерской. Ворота одной из двух ремонтных зон подняты, и даже в такой час механик возится с «Ягуаром».

Модно одетый мужчина с копной седых волос – вероятно, владелец «Ягуара», недавно вызволенного с обочины автострады, – стоит, наблюдая за работой механика, маленькими глотками пьет кофе из бумажного стаканчика. Ни один не смотрит на нас, когда мы проезжаем мимо.

Три восемнадцатиколесных трейлера – «Мак», «Каскадия», «Питербилт» – припаркованы в дальней части автозаправочной станции. Все чистенькие, сверкающие, водитель каждого, похоже, и владелец, учитывая расцветку кабины, многочисленные хромированные элементы отделки, отсутствующие в базовой модели, и многое другое.

За трейлерами длинное низкое здание, вероятно ресторан, построенное в том же стиле, что и заправочная станция. На крыше горит красно-синяя неоновая вывеска **«УГОЛОК ГАРМОНИИ / ОТКРЫТО 24 ЧАСА В СУТКИ»**. Перед рестораном два пикапа и два внедорожника. Когда Аннамария паркует «Мерседес», фары высвечивают объявление, что об аренде коттеджа нужно узнавать в ресторане.

Третья, и последняя, часть зоны отдыха – десять коттеджей позади ресторана. Они выстроились дугой, в тени новозеландских елей и акаций. Все деревья мягко подсвечены. Похоже, на заре автомобильной эры это была гостиница для автомобилистов. В таком месте вполне мог прятаться Хэмфри Богарт с Дорен Бейкол, чтобы в конце фильма устроить перестрелку с Эдуардом Дж. Робинсоном.

– У них два свободных коттеджа, – предсказывает Аннамария, заглушая двигатель. Когда я тянусь к ручке двери, останавливает меня. – Нет. Подожди здесь. Мы не так далеко от Магик-Бич. Вполне возможно, что тебя ищут.

Сорвав доставку террористам четырех термоядерных устройств несколькими часами раньше, я позвонил в отделение ФБР в Санта-Крус, чтобы сообщить, где в Магик-Бич стоит контейнер Армии спасения для сбора одежды, в котором агенты смогут найти четыре взрывателя. Они знают, что я не участник заговора, но все равно очень хотят со мной поговорить. По мнению ФБР – это танцующие в школе, с которых я могу уйти только с ними.

– Они не знают моего имени, – заверяю я Аннамарию. – И у них нет моей фотографии.

– Они могут сделать хороший фоторобот. Прежде чем ты покажешься в ресторане, Одди, позволь мне узнать, как широко освещается эта история в новостях.

Я вытаскиваю бумажник из кармана.

– У меня есть наличные.

– У меня тоже. – От бумажника она отмахивается. – Чтобы снять номер, хватит.

На ней туфли для прогулок, серые слаксы и мешковатый свитер, который не может утаить ее беременности. Рукава длинные, скрывают первые фаланги пальцев. Выглядит она бездомной.

Люди относятся к ней очень тепло, и есть что-то сверхъестественное в доверии, которое она вызывает у них.

В Магик-Бич Аннамария жила в квартире над гаражом, за которую с нее не брали арендной платы. Она говорит, что люди всегда сами дают все, что ей нужно, хотя она никогда ни о чем не просит. Я могу подтвердить, что это правда. Видел своими глазами.

Она заявляет, что есть типы, которые хотят ее убить, но она их не боится, кем бы они ни были. Пока я могу сказать, что она вообще ничего не боится.

Раньше она спросила, умру ли я ради нее. Я без запинки ответил, что да, и не лукавил.

Я не понимаю ни своей реакции на нее, ни источника ее силы. Она совсем не та, кем выглядит. Она говорит мне, что я уже знаю, кто она такая, и мне нужно только признать за истину знание, которым я обладаю.

Странно. А возможно, и нет.

Давным-давно я узнал, что не являюсь уникамом, обладая шестым чувством, и мир – это место, где загадочного не счесть. Многие люди подсознательно заставляют себя не видеть истинной природы существования, боятся *осознания* того, что мир – место таинственное и все в нем имеет значение. Несравненно проще жить в мире, где нет ничего, кроме видимости, которая ничего не значит и ничего от тебя не требует.

Я люблю этот удивительный мир, поэтому по природе я оптимист и при первой возможности пытаюсь шутить. Мой друг и наставник Оззи Бун говорит, что жизнерадостность – одно из лучших моих качеств. Однако, хотя и предупреждая, что избыток жизнерадостности может вести к беззаботности, он иногда напоминает мне, что и дерьмо тоже плавает¹.

Но в мои худшие дни, которые случаются редко, однако сегодняшний как раз входит в их число, настроение у меня так резко падает, что я опускаюсь на самое дно, и мне кажется, что именно там мое место. Я даже не хочу искать способ подняться на поверхность. Полагаю, сдаться на милость печали – грех, хотя моя нынешняя печаль – не черная депрессия, а затянувшиеся сгустившиеся сумерки.

Когда Аннамария возвращается и садится за руль, она протягивает мне один из двух ключей.

– Хорошее местечко. Идеально чистое. И еда вкусно пахнет. Называется «Уголок гармонии», потому что принадлежит семье Гармони. Работают тут только родственники. Большой клан, если судить по тому, что рассказала мне Холли Гармони. В эту смену она единственная официантка.

Аннамария заводит двигатель «Мерседеса» и едет в гостиницу для автомобилистов, то и дело поглядывая на меня, а я делаю вид, будто этого не замечаю.

Припарковавшись между двух коттеджей, выключив двигатель и фары, она говорит:

– Меланхолия может быть соблазнительной в сочетании с жалостью к себе.

– Я себя не жалею, – заверяю я ее.

– Тогда как ты это называешь? Может, сочувствием к себе?

Я решаю не отвечать.

– Симпатией к себе? – предлагает она. – Состраданием к себе? Соболезнованием к себе?

– Не думал, что тебе нравится кого-то подкалывать.

– Молодой человек, я тебя не подкалываю.

– А как ты это называешь?

– Сострадательным насмехательством.

Ландшафтные лампы в деревьях у коттеджей льют мягкий, прошедший через фильтр листвы, колышущейся под легким ветерком, золотистый свет на лицо Аннамарии и на мое тоже. Ощущение такое, будто на нас проецируется фильм, в котором множество крылатых персонажей.

– Этой ночью я убил пять человек, – напоминаю я ей.

– Было бы лучше, если бы ты не смог противостоять злу и не убил бы ни одного?

Я молчу.

Она настаивает:

¹ Английское слово *buoyancy*, использованное в оригинале, имеет много значений, среди них и жизнерадостность, и плавучесть.

– Эти потенциальные массовые убийцы... думаешь, они бы сдались без сопротивления, уступив твоей настоятельной просьбе?

– Разумеется, нет.

– Они собирались обсудить правомерность преступлений, которые намеревались совершить?

– Насмехательство имеет место быть, но я не вижу в нем сострадания.

Аннамария неумолима.

– Может быть, они соглашались пойти с тобой на телешоу «Суд идет» и позволить судье Джуди решить, имеют они моральное право или нет взорвать термоядерные бомбы в четырех мегаполисах.

– Нет. Они слишком боялись судью Джуди. Я сам боюсь судью Джуди.

– Молодой человек, ты сделал единственное, что мог сделать.

– Да. Хорошо. Но почему я должен той же ночью приезжать из Магик-Бич в «Уголок гармонии»? Слишком много смерти. Какими бы плохими ни были тут люди, как здесь все ни было бы плохо, я не машина-убийца.

Она протягивает мне руку, и я беру ее. Не могу сказать почему, но от прикосновения к ней мое настроение поднимается.

– Может быть, тут не придется никого убивать, – говорит Аннамария.

– Но это нарастает, как снежный ком.

– Что?

– Моя жизнь, эти угрозы, это безумие... несется на меня лавиной.

Перышки мягкого света колышутся не только на ее лице, но и в глазах, когда она сжимает мне руку.

– Чего ты больше всего хочешь, Одди? Какое стремление движет тобой? Стремление отдыхать и ничего не делать? Стремление к спокойной, без стрессов и волнений жизни повара блюд быстрого приготовления или продавца обуви?

– Ты знаешь, что дело не в этом.

– Скажи мне. Я хочу услышать это от тебя.

Я закрываю глаза, и перед моим мысленным взором появляется карточка, которая шестью годами раньше выскочила из машины, установленной в одном из шатров ярмарки и предсказывающей судьбу. Сторми стояла рядом со мной, когда я бросил в щель четвертак.

– Мэм, вам известна надпись на той карточке... «Вам суждено навеки быть вместе».

– А потом она умерла. Но карточку ты сохранил. Продолжая верить, что на карточке написана правда. Ты по-прежнему в это веришь?

– Да, – отвечаю я без колебаний. – Я должен верить. Это все, что у меня есть.

– Что ж, Одди, если тобой движет правда этой карточки, тогда, возможно, ускорение, которое пугает тебя, на самом деле именно то, что тебе нужно. Может, это ты сам приближаешься к реализации предсказания? Может, лавина, которая несется на тебя, и есть Сторми?

Открыв глаза, я вновь встречаюсь с ней взглядом. Колышущиеся крылышки, отражающиеся на ее лице и в глазах, могут быть отблесками золотистых огоньков. Я напоминаю себе, что огонь не только пожирает, он еще и очищает. А синоним очищения – искупление грехов.

Аннамария склоняет голову и улыбается.

– Будем искать тебе замок с подходящей комнатой, где бы ты смог найти тот ответ на знаменитый гамлетовский вопрос, который успокоит твое сердце? Или останемся здесь?

Оказывается, я все-таки способен улыбаться.

– Останемся здесь, мэм.

Наш багаж – плетеная корзина с едой для нас и золотистого ретривера, которую собрала наша подруга Блоссом Роуздейл в Магик-Бич. После того как Рафаэль находит

полоску травы, чтобы отлить, я следую за Аннамарией и собакой к коттеджу номер шесть, выбранному моей спутницей для себя, и оставляю корзину ей.

На крыльце, когда я поворачиваюсь, чтобы уйти, она говорит:

– Что бы здесь ни случилось, доверяй своему сердцу. Оно такое же надежное, как любой компас.

Белая немецкая овчарка, Бу, составляет мне компанию уже несколько месяцев. Теперь он сопровождает меня к коттеджу номер семь. Поскольку это собака-призрак, справлять нужду ему не надо, и он проходит через дверь до того, как я успеваю ее открыть.

В коттедже чистенько и уютно. Гостиная, ниша-спальня, ванная. Похоже, коттедж недавно отремонтировали.

Есть даже встроенный холодильник, который служит баром. Я достаю банку пива, открываю ее.

Я измотан, но спать не хочется. Теперь, за два часа до зари, я на ногах уже двадцать два часа, но голова работает, как центрифуга.

Включив телевизор, я сажусь в кресло с пультом дистанционного управления в руке. Бу тем временем обследует все уголки коттеджа, его любопытство после смерти осталось прежним. Телевидение спутниковое, так что каналов великое множество. Но везде старье и занудство.

Если судить по новостным каналам, обезвреженные ядерные террористы из Магик-Бич сенсацией не стали. И я подозреваю, не станут уже никогда. Государство считает, что широкая общественность предпочитает оставаться в неведении о таких вот предотвращенных катастрофах, а политическая элита предпочитает держать широкую общественность в неведении, чтобы не будить в ней подозрения о коррупции и некомпетентности в коридорах власти.

На канале «Нат-Джео», в документальном фильме о больших кошках, диктор сообщает нам, что пантеры – разновидность леопардов, черных с черными пятнами. Пантера с золотистыми глазами смотрит прямо в камеру и низким, грубым голосом говорит: «Спать».

Я осознаю, что скорее сплю, чем бодрствую, нахожусь в том сумеречном состоянии, когда сны и реальный мир иногда пересекаются.

На экране пантера впирается в антилопу когтями, валит на землю, рвет добыче горло. Телевизионное насилие не шокирует меня, не будит, наоборот, давит, прижимает к креслу. Подняв голову, торжествующая кошка смотрит на меня – из пасти каплют кровь и слюна – и говорит: «Спать, спать».

Я не только слышу слова, но и чувствую их, звуковые волны из телевизионных динамиков пульсируют во мне, этот звуковой массаж расслабляет мышцы, успокаивает нервы.

Несколько гиен пытаются отобрать добычу у пантеры, которая затаскивает антилопу на дерево, чтобы сожрать ее на ветвях, где ей не помешают ни эти волкоподобные твари, ни львы: они не умеют лазать по деревьям и не смогут последовать за ней.

Гиена, с дикими глазами и невероятно мерзкая, обнажает неровные зубы и шепчет в камеру: «Спать». Остальные гиены повторяют: «Спать», – и звуковые волны, проходя сквозь меня, создают очень приятный успокаивающий эффект так же, как голос пантеры на дереве, а голова антилопы болтается на разорванной шее, и глаза смотрят в одну точку, указывая, что их обладательница уже спит самым крепким сном.

Я закрываю глаза, и пантера из телевизора следует в мой сон. Я слышу мягкие, но тяжелые шаги, чувствую, как ее гибкое тело движется по коридорам моего разума. На мгновение меня охватывает тревога, но незванный гость мурлычет, и мурлыканье успокаивает меня. Теперь большая кошка забирается на другое дерево и тащит меня с собой. Хотя я не умер, у меня нет сил сопротивляться. Я не боюсь, поскольку пантера говорит мне, что бояться

нечего, и, как прежде, меня успокаивает не значение слов, а звуковые волны, которые, словно масло, утихомиривают волны моего разума.

Это дерево ночи, с черными ветвями, вытянувшимися высоко-высоко к беззвездному небу, и ничего не видно вокруг, кроме глаз-фонарей пантеры, которые прибавляют в размерах и яркости, пока не становятся совиными. Низким, грубым голосом пантера говорит: *«Почему я не могу прочесть тебя?»* Возможно, это не пантера и не сова, потому что я вроде бы чувствую чьи-то пальцы, словно я – книга с бесчисленными страницами, которые переворачиваются, но все страницы пусты, пальцы скользят по бумаге, выискивают выпуклые точки моей биографии, написанные шрифтом Брайля.

Настроение меняется, раздражение читателя буквально прощупывается, и в темноте глаза вдруг становятся зелеными, с эллипсовидными зрачками. Это, возможно, сон, но при этом нечто большее, чем сон.

Хотя сон обычно раскручивается сам, и тот, кому он снится, влиять на него не может, если мне нужен свет, я могу его призвать. Темнота начинает отступать от перепутанных черных ветвей дерева, а силуэт читателя – появляться из тьмы.

Я резко просыпаюсь, словно таинственная фигура кошмарного сна вышвырнула меня из него. Я поднимаюсь, периферийным зрением улавливаю движение справа, но, повернувшись, обнаруживаю, что никого, кроме меня, в комнате нет.

За моей спиной что-то гудит, словно пара умелых рук дернула басовые струны арфы. Когда я поворачиваюсь, местонахождение источника звука не столь очевидно – вроде бы он доносится из ниши, где стоит кровать.

В поисках этого источника я иду в нишу, а потом к двери ванной комнаты, которая приоткрыта. За ней темнота.

Из-за усталости и эмоционального замешательства я забыл взять пистолет. Он остался под передним сиденьем «Мерседеса».

Пистолет принадлежал жене одного священника в Магик-Бич. Ее муж, преподобный, застрелил жену, прежде чем она успела застрелить его. В их конкретной версии христианства, истинно верующие слишком нетерпеливы, чтобы ждать, когда молитва разрешит их проблемы.

Я распахиваю дверь ванной и включаю свет. Гудение усиливается, но вновь за моей спиной.

Повернувшись, я вижу, что Бу вернулся, но он меня не интересует. Мое внимание приковано к объекту, который зачаровал и собаку: *что-то* быстрое и прозрачное, видимое только потому, что искажает предметы, находящиеся позади, пересекает нишу, выходит в гостиную, кажется, прыгает в телевизионный экран и исчезает.

Объект такой быстрый и бесформенный, что я уже думаю, а не причудился ли он мне, да только по фильму о дикой природе расходятся концентрические круги, словно вертикальный экран – горизонтальный пруд, в который бросили камень.

Несколько раз моргнув, я задаюсь вопросом, видел ли я все это или у меня проблемы со зрением. Феномен постепенно сходит на нет, на экране вновь четкая и устойчивая картинка.

Это был не призрак. Когда я вижу призраков, они полностью повторяют облик когда-то жившего человека и не могут двигаться так быстро, что за ними не уследить глазу.

Мертвые не говорят и не издают никаких звуков. Ни тебе звяканья кандалов, ни тебе зловещих шагов. Они невесомы, так что ступени под ними не скрипят. И уж конечно, не могут они дергать за басовые струны арфы.

Я смотрю на Бу.

Бу смотрит на меня. Не виляет хвостом.

Глава 2

Теперь сна у меня ни в одном глазу.

Сон с деревом и пантерой длился менее пяти минут. Я по-прежнему страдаю от недосыпания, но в данный момент бодр, как солдат в окопе, знающий, что наступление врага может начаться в любой момент.

Оставив свет включенным, чтобы не возвращаться в темный коттедж, я выхожу за порог, запираю дверь и достаю пистолет из-под переднего пассажирского сиденья «Мерседеса».

На мне футболка и свитер, и я засовываю пистолет между ними, под ремень, на поясницу. Это не идеальный способ для ношения оружия, но кобуры у меня нет. И в прошлом, придерживаясь этого способа, я ни разу случайно не прострелил себе ягодицу.

Хотя я не люблю оружие и обычно не ношу его с собой, и меня мутит от убийства даже самых худших людей при самозащите или спасении невинных, я не настолько фанатичный противник оружия, чтобы позволить кому-то убить меня – или наблюдать, как кого-то убивают, – но не пустить его в ход самому.

Бу материализуется рядом со мной.

Он – единственная душа животного, которую я когда-нибудь видел. Невинный, он, естественно, не боится того, что может увидеть на Другой стороне. Хотя он эфемерный и не может укунить плохиша, я уверен, он остается здесь по одной причине: придет момент, когда он станет для меня Лесси и не позволит мне упасть в заброшенный колодец или спасет от другой беды.

Грустно, но большинство нынешних детей не знает Лесси. Средства массовой информации ориентируют их на Марли², который едва ли станет спасать детей из колодца или горящего амбара. Скорее облает их, а возможно, еще и сам подожжет амбар.

Подавленность, которая не отпускала меня после недавних событий в Магик-Бич, похоже, ушла. Странное дело, ничто так быстро не возвращает здравый смысл и способность мыслить логично, как встреча с чем-то, несомненно, сверхъестественным.

На подсвеченных ветвях деревьев легкое дуновение ночи заставляет листья дрожать, словно предчувствуя приближение зла. Дрожащие рисунки света и тени вокруг меня создают иллюзию, будто земля колеблется под ногами.

В выстроившихся по дуге коттеджах свет горит в окнах только двух, Аннамари и моем, хотя здесь припаркованы еще пять автомобилей. Если эти гости «Уголка гармонии» спят, возможно, тайный читатель роется в их памяти и ищет... Ищет что? Просто хочет познакомиться?

Читатель – кем бы или чем бы он ни был – хотел чего-то большего, чем просто узнать меня. Так же, как та антилопа в документальном фильме, которой пантера будет кормиться несколько дней, я – добыча. Возможно, есть меня не собирались, но как-то использовать – наверняка.

Я смотрю на Бу. Бу смотрит на меня. Потом на освещенные окна коттеджа Аннамари.

Подойдя к коттеджу номер шесть, я легонько стучу в дверь, и она распахивается, потому что не закрыта на защелку. Я захожу и вижу Аннамарию, сидящую на стуле у маленького столика.

² **Марли/Marley** – лабрадор-ретривер, герой документальной книги американского журналиста Джона Гроугэна/ John Grogan, опубликованной в 2005 г.

Она взяла из корзины яблоко, почистила, разрежала на дольки и делится им с Рафаэлем. Сидя у ее стула, золотистый ретривер только что схрумкал очередную дольку и теперь довольно облизывается.

Рафаэль смотрит на Бу и виляет хвостом, радуясь тому, что не придется делиться своей долей с собакой-призраком. Все собаки видят задержавшиеся в этом мире души. Истинная природа мира для них не такая тайна, как для большинства людей.

– Не случилось ничего неожиданного? – спрашиваю я Аннамарию.

– Так неожиданное всегда и случается, – отвечает она.

– К тебе не заглядывал... какой-нибудь гость?

– Только ты. Хочешь яблока, Одди?

– Нет, мэм. Я думаю, тебе грозит опасность.

– Из тех многих людей, которые хотят меня убить, в «Уголке гармонии» нет ни одного.

– Откуда такая уверенность?

Она пожимает плечами.

– Здесь никто не знает, кто я.

– Я тоже не знаю, кто ты.

– Вот видишь? – Она дает Рафаэлю новую дольку.

– Какое-то время меня не будет в соседнем коттедже.

– Хорошо.

– Если ты вдруг закричишь.

На ее лице удивление.

– С чего мне кричать? Я никогда не кричала.

– Никогда в жизни?

– Человек кричит от неожиданности или когда напуган.

– Ты говорила, какие-то люди хотят тебя убить.

– Но я их не боюсь. Делай, что должен. Со мной все будет хорошо.

– Может, тебе лучше пойти со мной.

– Куда ты собираешься?

– Поброжу по округе.

– Лучше я останусь здесь, а ты поброди без меня.

Я смотрю на Рафаэля. Рафаэль – на Бу. Бу – на меня.

– Мэм, вы спрашивали, умру ли я за вас, и я ответил «да».

– Это было так мило с твоей стороны. Но тебе не придется умереть за меня сегодня.

Не надо так торопиться.

В свое время я думал, что в Пико Мундо эксцентричных людей больше, чем где бы то ни было. Но теперь, попутешествовав, я знаю, что эксцентричность – неотъемлемая черта человечества.

– Мэм, возможно, спать опасно.

– Тогда я не буду спать.

– Принести тебе черного кофе из столовой?

– Зачем?

– Чтобы помочь не заснуть.

– Как я понимаю, ты спишь, когда тебе это требуется. Но дело в том, молодой человек, что я сплю, только когда этого хочу.

– И как это у тебя получается?

– Превосходно.

– Ты не хочешь знать, почему спать опасно?

– Потому что я могу свалиться с кровати? Одди, я понимаю, что твое предупреждение обосновано, и спать не стану. А теперь иди, куда должен.

– Хочу разнюхать, что к чему.

– Тогда разнюхивай, разнюхивай, – и она несколько раз втягивает воздух носом.

Я покидаю ее коттедж и закрываю за собой дверь.

Бу уже идет к ресторану. Я следую за ним.

Он тает, как легкий туман под солнечными лучами.

Я не знаю, куда он идет, когда дематериализуется. Возможно, собака-призрак может путешествовать на Другую сторону и обратно, когда ей вздумается. Я никогда не изучал теологию.

Для последнего дня января ночь на побережье в центральной части Калифорнии теплая. И спокойная. Воздух приятно пахнет морем. Тем не менее чувство нависающей опасности очень велико. Если земля разверзнется у моих ног и поглотит меня, я не удивлюсь.

Большие мотыльки облаком облепляют неоновую вывеску на крыше ресторана. Наверное, они белые, потому что становятся полностью синими или полностью красными, в зависимости от того, рядом с какой неоновой трубкой находятся. Летучие мыши, темные, не меняющие цвет, кружат чуть выше, кормятся этим ярким облаком.

Я не во всем вижу знаки и предзнаменования. Но от одного вида прожорливых и бесшумных летающих грызунов у меня по коже бегут мурашки, и я принимаю решение пройти мимо ресторана, хотя первоначально собирался заглянуть в него.

Прохожу мимо трех восемнадцатиколесников, к мастерской. «Ягуар» уехал. Механик подметает пол в ремонтной зоне.

От ворот ремонтной зоны я здороваюсь: «Доброе утро, сэр», – причем очень радостно, словно великолепная розовая заря уже окрасила небо и птичьи хоры празднуют приход нового дня.

Когда он поднимает голову, отрываясь от щетки, – это момент из «Фантома Оперы». Жуткий шрам тянется от левого уха через щеку, верхнюю губу, нижнюю губу до правой стороны подбородка. Кто бы ни нанес ему такую рану, зашивал ее, похоже, не врач, а рыбак, крючком и леской.

Не комплексуя из-за своей внешности, он отвечает: «Доброе утро, сынок. – И одаряет меня улыбкой, от которой отшатнулся бы и Дракула. – Ты встал до того, как Ванда и Уолли собрались лечь спать».

– Ванда и Уолли?

– Ох, извини. Наши опоссумы. Некоторые считают их большими уродливыми красноглазыми крысами. А уродство сродни красоте – все зависит от того, кто смотрит. Как ты относишься к опоссумам?

– Живи и давай жить другим.

– Я слежу за тем, чтобы Уолли и Ванда каждую ночь получали достаточное количество ресторанных обiedков. Но жизнь у них тяжелая, со всеми этими кугуарами, и рысями, и стаями койотов, которые не прочь отобедать опоссумом. Ты согласен с тем, что у опоссумов тяжелая жизнь?

– Что ж, сэр, по крайней мере у Уолли есть Ванда, а у Ванды – Уолли.

Его синие глаза блестят неприкрытыми слезами, изуродованные шрамом губы дрожат, словно его до глубины души трогает мысль о любви опоссумов.

Ему лет сорок, хотя волосы обильно тронуты сединой. Несмотря на ужасный шрам, что-то в его поведении указывает на то, что он любит детей и добр к животным.

– Ты попал в десятку. У Уолли есть Ванда, а у Донни есть Дениз, и благодаря этому можно вынести все.

На нагрудном кармане его спецовки вышито «ДОННИ».

Он смаргивает слезы и спрашивает:

– Что я могу для тебя сделать, сынок?

– Я давно не спал и, боюсь, еще какое-то время поспать мне не удастся. Тут где-нибудь продаются кофеиновые таблетки?

– У меня есть «Ноу-Доз» на прилавке с жевательной резинкой и конфетами. Автомат может предложить тебе кое-что более действенное, вроде «Ред бул», «Маунтин дью» или этот новый энергетический напиток «Пинок-под-жопу».

– Он действительно называется «Пинок-под-жопу»?

– Стандартов больше нет, нигде и ни в чем. Если они думают, что продажи от этого возрастут, назовут товар «Хорошим говном». Уж извини, что так грубо выражаюсь.

– Нет проблем, сэр. Я возьму упаковку «Ноу-Доз».

Когда мы идем через гараж к маленькому офису, Донни говорит:

– Наш семилетний сын Рики узнал о сексе из какой-то субботней мультипликационной программы и вдруг заявляет нам, что не хочет быть ни нормальным, ни голубым, все это отвратительно. Мы отключили спутниковую тарелку. Нет нынче никаких стандартов. Теперь Рики смотрит старые мультфильмы Диснея и «Уорнер бразерс» по ди-ви-ди. Можно не волноваться, что Багс Банни начнет приставать к Даффи Даку.

Помимо «Ноу-Доз», я покупаю два шоколадных батончика.

– Торговый автомат принимает доллары или мне нужна мелочь?

– Банкноты он принимает, будь уверен, – отвечает Донни. – Ты слишком молод, чтобы давно водить трейлер.

– Я не дальнбойщик, сэр. Всего лишь безработный повар блюд быстрого приготовления.

Донни выходит со мной из офиса, и я покупаю в автомате банку «Маунтин дью».

– Моя Дениз тоже повар блюд быстрого приготовления в ресторане. У вас особый язык.

– У кого, нас?

– У поваров блюд быстрого приготовления. – Половины лица, разделенные шрамом, теряют симметрию, когда он улыбается, и лицо становится похожим на расколовшуюся тарелку. – Две коровы, заставь их плакать, дай им одеяла и спарь со свиньями.

– Ресторанный жаргон. Так официантка говорит о заказе двух гамбургеров с луком, сыром и беконом.

– Меня это удивляет, – говорит он и действительно выглядит удивленным. – Где ты был поваром... в смысле, когда работал?

– Видите ли, сэр, меня носит по стране.

– Это, наверное, так интересно, видеть новые места. Я давно уже не видел новых мест. Конечно, я бы с удовольствием отвез куда-нибудь Дениз. Чтобы только мы вдвоем. – Его глаза вновь наполняются слезами. Похоже, он самый сентиментальный механик за Западном побережье. – Чтобы только мы вдвоем, – повторяет он, и под нежностью в его голосе, которую вызывает упоминание жены, я слышу нотку отчаяния.

– Я полагаю, с детьми трудно куда-то уехать только вдвоем.

– Нет у нас такой возможности. И не будет никогда.

Может, это только мое воображение, но у меня возникает подозрение, что последние слезы еще и горькие, не только соленые.

Когда я запиваю пару таблеток «Ноу-Доз» газировкой, он спрашивает:

– Ты часто так подстегиваешь нервную систему?

– Не часто.

– Если будешь пить их слишком много, сынок, допрыгаешься до кровоточащей язвы. Избыток кофеина разъедает желудок.

Я откидываю голову назад и выпиваю слишком сладкую газировку несколькими большими глотками.

Когда бросаю пустую банку в ближайшую урну, Донни спрашивает:

– Как тебя зовут, сынок?

Голос тот же, но тон меняется. Его дружелюбие исчезает. Когда я встречаюсь с ним взглядом, глаза у него по-прежнему синие, но в них появляются стальной отлив, ранее отсутствовавший, и настороженность.

Иногда самая невероятная история может оказаться слишком невероятной, чтобы быть ложью, а потому подозрительность уходит. Я решаюсь пойти этим путем:

– Поттер. Гарри Поттер.

Взгляд его такой же острый, как перо детектора лжи.

– С тем же успехом ты мог бы сказать: «Бонд. Джеймс Бонд».

– Видите ли, сэр, так называли меня родители. И имя это мне очень нравилось до появления книг и фильмов. Но после того, как кто-то в тысячный раз спросил, действительно ли я волшебник, я начал задумываться, а не поменять ли мне имя, скажем, на Лекса Лютора³ или что-то в этом роде.

Дружелюбие и общительность Донни на какое-то время превратили «Уголок гармонии» в Винни-Пухову опушку. Но теперь воздух пахнет скорее не морем, а гниющими водорослями, огни над бензоколонками такие же резкие, как в комнате допросов полицейского участка, и глянув на небо, я не могу найти ни Кассиопеи, ни другого знакомого созвездия, словно Земля отвернулась от всего знакомого и успокаивающего.

– Если ты не волшебник, Гарри, тогда чем же ты занимаешься по жизни?

Не только тон изменился, но и дикция. И у него, похоже, возникли проблемы с краткосрочной памятью.

Заметив удивление на моем лице, он истолковывает его правильно, потому что говорит:

– Да, я помню, что ты сказал, но подозреваю, что это далеко не все.

– Извините, сэр, но я повар, и только повар. Я не из тех, у кого много талантов.

Подозрительность превращает его глаза в щелочки.

– Яйца... разбить и растянуть. Кардиологическое сужение.

Я вновь перевожу:

– Растянуть – три яйца вместо двух. Разбить – яичница-болтуня. Кардиологическое сужение – гренок с избытком масла.

С глазами-щелочками Донни напоминает мне Клинта Иствуда, будь Клинт Иствуд на восемь дюймов ниже, на тридцать фунтов тяжелее, не таким симпатичным, лысеющим и обезображенным шрамом.

Следующая его фраза звучит словно угроза:

– «Уголку гармонии» не нужен еще один повар блюд быстрого приготовления.

– У меня нет намерений искать здесь работу, сэр.

– А что ты здесь делаешь, Гарри Поттер?

– Ищу смысл жизни.

– Может, твоя жизнь смысла не имеет.

– Я уверен, что имеет.

– Жизнь бессмысленна. Любая жизнь.

– Возможно, вас это устраивает, сэр. Меня – нет.

Он откашливается, и у меня возникает ощущение, что у него в пищеводе застрял шарик, скатанный из волос. Потом плюет, и отвратительный зеленовато-желтый сгусток приземляется в двух дюймах от моего правого ботинка, на встречу с которым он, несомненно, и отправлялся.

– Жизнь бессмысленна у всех, кроме тебя. Так, Гарри? Ты лучше остальных, правильно?

³ Александр Джозеф (Лекс) Лютор/Alexander Joseph «Lex» Luthor – суперзлодей и заклятый враг Супермена.

Его лицо каменеет в необъяснимой злобе. Мягкий, сентиментальный Донни трансформировался в Донни-Гунна, потомка Аттилы, способного на внезапное, бессмысленное насилие.

– Не лучше, сэр. Вероятно, хуже многих и многих. В любом случае дело не в том, кто лучше или хуже. Просто я особенный. Вроде дельфина, который выглядит рыбой, плавает, как рыба, но рыбой не является, потому что он – млекопитающее и потому что никто не хочет есть его с чипсами. А может, как луговая собачка, которую все называют собакой, хотя она совсем и не собака. Она выглядит, как пухлая белка, хотя она вовсе не белка, потому что живет в норах, а не на деревьях, а зимой впадает в спячку, пусть и не медведь. Луговая собачка не говорит, что она лучше настоящих собак или лучше белок или медведей, просто она другая, так же как дельфин другой, но, разумеется, у нее нет ничего общего с дельфином. И я думаю, что мне лучше вернуться в мой коттедж, съесть шоколадные батончики и подумать о дельфинах и луговых собачках, пока я не смогу более четко выразить в словах эту аналогию.

Иногда, если я прикидываюсь, что у меня не все дома, мне удается убедить плохиша, что никакой угрозы для него я из себя не представляю и нет смысла тратить на меня время и энергию, а лучше сберечь их для более важных плохих дел. В других случаях мое присутствие выводит их из себя. Уходя, я отчасти ожидаю, что меня огреют монтировкой.

Глава 3

Дверь в коттедж номер шесть распахивается, когда я подхожу к ней, но никто не появляется на пороге.

Войдя и закрывая за собой дверь, я вижу, что Аннамария стоит на коленях, чистит зубы золотистому ретриверу.

Она говорит:

– Когда-то у Блоссом была собака. Она положила в корзину зубную щетку для Рафаэля и тюбик пасты с ароматом ливера.

Золотистый сидит, вскинув голову, невероятно терпеливый, позволяя Аннамарии оттягивать губы, чтобы добраться до зубов, не слизывая пасту со щетки до того, как та пройдет по зубам. Он закатывает глаза, увидев меня, словно говоря: *«Это так неприятно, но намерения у нее добрые»*.

– Мэм, я бы хотел, чтобы дверь оставалась запертой.

– Она заперта, когда закрыта.

– Она постоянно открывается.

– Только для тебя.

– Почему это происходит?

– А почему не должно?

– Мне следовало спросить – как это происходит?

– Да, в этом ты прав, такой вопрос лучше.

Пахнущая ливером зубная паста способствовала повышенному слюноотделению. Аннамария прерывает чистку зубов, чтобы взять полотенце и досуха вытереть челюсти и подбородок Рафаэля.

– Прежде чем уйти на разведку, мне следовало предупредить тебя не включать телевизор. Поэтому я и вернулся. Чтобы предупредить.

– Мне известно, что показывают на телевидении, молодой человек. Я скорее подожгу себя, чем буду смотреть большую часть программ.

– Не смотри даже хорошие программы. Вообще не включай. Я думаю, телевидение – это тропя.

Выжимая пасту на зубную щетку, она спрашивает:

– Тропа куда?

– Это прекрасный вопрос. Найдя ответ, я пойму, что притянуло меня в «Уголок гармонии». Так каким образом эта дверь открывается исключительно для меня?

– Какая дверь?

– Эта дверь.

– Эта дверь закрыта.

– Да, я только что ее закрыл.

– Ты, мой красавчик, втяни язык, – просит она Рафаэля, потому что язык у него вывалился.

Рафаэль втягивает язык, и она принимается за передние зубы, а кончик его хвоста мотается из стороны в сторону.

Кофеин еще не начал действовать, поэтому у меня нет сил и дальше обсуждать особенности двери.

– В мастерской на автозаправочной станции работает механик, которого зовут Донни. В нем две личности, и вторая, похоже, использует монтировку совсем не по назначению. Если он постучится в твою дверь, не впускай его.

– Я не собираюсь никого впускать, кроме тебя.

- Официантка, с которой ты разговаривала, когда арендовала коттедж...
 - Холли Гармони.
 - Она... нормальная?
 - Милая, дружелюбная, знает свое дело.
 - Она не делала ничего странного?
 - В каком смысле?
 - Не знаю... не поймала пролетающую муху, чтобы тут же съесть, или что-то в этом роде?
 - Какой странный вопрос.
 - Поймала и съела?
 - Нет. Разумеется, нет.
 - Не была на грани слез?
 - Наоборот. Обаятельно улыбалась.
 - Может, она улыбалась слишком много?
 - Нельзя улыбаться слишком много, странный ты мой.
 - Ты когда-нибудь видела Джокера в «Бэтмене»?
- Закончив с зубной гигиеной Рафаэля, Аннамария вновь берет полотенце и еще раз вытирает собачью морду. Ретривер улыбается, как Джокер.
- Взяв щетку и принявшись расчесывать шелковистую шерсть Рафаэля, она говорит:
- Мизинец на ее правой руке заканчивается между второй и третьей фалангами.
 - У кого? Официантки? Холли? Ты сказала, она нормальная.
 - Нет ничего ненормального в потере части пальца в результате несчастного случая.
- Это не в одной категории с поеданием мух.
- Ты спросила ее, как это произошло?
 - Разумеется, нет. Выглядело бы грубо. Мизинец на ее левой руке заканчивается между первой и второй фалангой. Просто обрубок.
 - Подожди, подожди. Два отрубленных мизинца определенно аномальность.
 - Обе травмы могли стать результатом одного несчастного случая.
 - Да, конечно, ты права. Она могла жонглировать мясорубками, когда упала с одноколесного велосипеда.
 - Сарказм тебе не к лицу, молодой человек.
- Не знаю, почему меня задевает ее легкое неодобрение, но задевает.
- Словно понимая, что меня в чем-то мягко упрекнули, Рафаэль перестает улыбаться. Строго смотрит на меня, похоже, подозревает, что я из тех людей, которые крадут собачье печенье и съедают его сами, раз уж я позволяю себе сарказм в разговоре с Аннамарией.
- У Донни-автомеханика на лице огромный шрам, – сообщаю я.
 - Ты спросил, откуда он взялся? – интересуется Аннамария.
 - Я бы спросил, но Милый Донни вдруг превратился в Злобного Донни, и я подумал, что после такого вопроса он может попортить мне лицо.
 - Что ж, я рада твоему прогрессу.
 - При таких темпах прогресса нам лучше арендовать коттеджи на год.
- Она продолжает расчесывать шерсть длинными, плавными движениями, оторвавшиеся волоски остаются на щетке.
- Ты еще не закончил разнюхивать, так?
 - Нет, мэм. Только начал.
 - Тогда, я уверена, ты очень скоро докопаешься до сути.
- Рафаэль решает, что меня можно простить. Вновь улыбается мне, и в ответ на нежную заботу издает звук, свидетельствующий о блаженстве – то ли вздох, то ли мурлыканье. Он определенно на седьмом небе от счастья.

– У вас есть подход к собакам, мэм.

– Если они знают, что ты их любишь, всегда можно рассчитывать на их доверие и преданность.

Ее слова напомнили мне о Сторми, о нашей любви, доверии, преданности друг другу.

– С людьми то же самое.

– С некоторыми людьми. Причем, в общем-то, с людьми проблем гораздо больше, чем с собаками.

– С плохими людьми, безусловно.

– С плохими, с теми, кто дрейфует между плохими и хорошими, даже с некоторыми хорошими. Даже глубокая и вечная любовь не всегда подразумевает преданность.

– Тут есть над чем подумать.

– Я уверена, ты часто думал об этом, Одди.

– Что ж, снова пойду разнюхивать, – заявляю я, поворачиваясь к двери и замираю.

Расчесав длинную шерсть на задней левой лапе ретривера – поклонники этой породы собак называют ее перышками, – Аннамария спрашивает:

– Что такое?

– Дверь закрыта.

– Чтобы не пускать сюда этого вспыльчивого автомеханика Донни, о котором ты так заботливо меня предупредил.

– Она открывается сама, только когда я подхожу к ней снаружи.

– И что ты хочешь этим сказать?

– Не знаю. Просто говорю.

Я смотрю на Рафаэля. Рафаэль – на Аннамарию. Аннамария – на меня. Я перевожу взгляд на дверь. Она по-прежнему закрыта.

Наконец, я берусь за ручку и, поворачивая, открываю дверь.

– Я знала, что тебе это по силам, – говорит Аннамария.

Глядя на еще укутанную ночью гостиницу для автомобилистов, я боюсь кроватной бани, которую мне, возможно, придется здесь устроить.

– В «Уголке гармонии» настоящей гармонии нет.

– Но угол здесь точно есть. Так что не угоди в него, молодой человек.

Глава 4

На случай, если за мной наблюдают, я не сразу берусь за разнюхивание, а возвращаюсь в свой коттедж и запираю за собой дверь.

Не так уж и давно чуть ли не все люди, которые думали, что за ними постоянно следят, считались стопроцентными параноиками. Но недавно стало известно, что в обеспечение благополучия общества Министерство внутренней безопасности и более сотни других местных, подчиняющихся штатам и федеральных агентств используют разведывательные беспилотные летательные аппараты, которые ранее применялись только в других странах для проведения боевых действий. Летают они на низких высотах, а потому неподконтрольны органам регулирования воздушного движения. И скоро ваша главная проблема при выгуле собаки будет заключаться не в том, что за вами наблюдают. Быстро нарастающее количество беспилотников приведет к тому, что они начнут сталкиваться друг с другом и с легкомоторными самолетами, также летающими на низких высотах, и может случиться, что вы станете жертвой обломков беспилотника, наблюдавшего, убираете ли вы, как положено по закону, кашки за вашим псом в одобренный федеральным правительством мешочек, предназначенный исключительно для этой цели.

Вернувшись в коттедж, я подумываю о том, чтобы включить телевизор и найти канал с классическими фильмами: хочется знать, предложат ли мне поспать Кэтрин Хепберн или Кэри Грант. Но я знаю, что кофеин в скором времени напрочь прогонит всю сонливость, и чувствую, что должен быть на грани засыпания, прежде чем незваный гость – кем бы или чем бы он ни был – сможет пробраться в мой разум посредством телевидения.

Я выключаю большую часть ламп, чтобы со стороны казалось, что я закончил инспекцию «Уголка гармонии», и оставляю только одну, которая может служить ночником. Сидя на кровати, съедаю шоколадный батончик.

Один из плюсов жизни в опасности – нет нужды тревожиться о высоком уровне холестерина или о кариесе. Я уверен, что меня убьют задолго до того, как перекроются артерии. Что же касается дырок в зубах, так я теряю их целиком стараниями плохишей. Мне еще нет и двадцати двух, а у меня уже семь имплантов.

Я ем второй шоколадный батончик. Скоро, спасибо сахару и кофеину, я буду так заряжен энергией, что смогу принимать передачи ближайшей радиостанции на титановые штыри, соединяющие челюсти и искусственные зубы. Я надеюсь, эта радиостанция не будет специализироваться на величайших хитах дискотеки 1970-х.

Я выключаю последнюю лампу, стоящую на прикроватном столике.

За кроватью, в дальней стене коттеджа окно, выходящее на лес. Двустворчатое, запирающееся на шпингалет. Открывающиеся в комнату створки обеспечивают приток свежего воздуха, а сетчатый экран оберегает от насекомых. Экран закреплен пружинной скобой и легко вынимается. Снаружи я ставлю его на место практически бесшумно.

Последнюю составляющую моего шестого чувства Сторми называла психическим магнетизмом. Если мне надо найти человека, местонахождение которого мне неизвестно, я держу в голове его имя, мысленным взором всматриваюсь в его лицо. Потом я хожу или езжу на велосипеде, не выбирая маршрута, куда ноги несут, хотя на самом деле меня ведет к нужному мне человеку сверхъестественная интуиция. Обычно я нахожу его в течение получаса, зачастую раньше.

Психический магнетизм так же срабатывает – хотя менее успешно, – если я ищу неодушевленный предмет, а иногда даже место, которое я могу охарактеризовать только по его функциональному назначению. К примеру, в данном случае, когда я иду за дугой коттеджей и через залитый лунным светом лес, я держу в голове слово «логово».

В «Уголке гармонии» существует и действует некий уникум, кто-то или что-что, способное перемещаться по телевизионным каналам и программам и загонять дремлющего человека в глубокий сон, входить в его сны с тем, чтобы прочитать его воспоминания, будто открытую книгу, обследовать его разум так же досконально, как грабитель обследует дом, в который забрался в поисках ценностей. Это существо, человеческое или нет, должно иметь материальную форму, потому что я по собственному опыту знаю, что призраки такими способностями не обладают. Это существо где-то обитает, а с учетом его хищнической натуры, место, где оно живет, скорее логово, чем дом.

Вскоре я выхожу на опушку. За нею поросшая травой земля полого спускается к берегу, до которого ярдов триста. С запада набегают темные волны – вполне понятной природы – и тают в песке. Закатывающаяся луна серебрит и траву высотой до колена, и пляж, и пену, которую оставляют разбивающиеся волны.

Я смотрю на бухту. На севере видны огни автозаправочной станции и ресторана. Черная лента, вероятно асфальтовая дорога, зигзагами тянется от ресторана через посеребренную луной траву, через гребни невысоких холмов и лощины к нескольким домам, сгустившимся у берега, у южного края бухты.

Домов семь, один больше остальных шести, но все большие. В двух светятся несколько окон, пять домов темные.

Если Гармони – большая семья, включая зятьев и невесток – обслуживают зону отдыха, находящуюся рядом с автострадой, семь дней в неделю, двадцать четыре часа в сутки, они должны жить неподалеку. Должно быть, это и есть их дома, расположенные в столь живописном, пусть и уединенном месте.

Хотя январь выдался теплый, я полагал, что на этих лугах змеи не проявляют той же активности, как в более жаркие месяцы, тем более в прохладе ночи. Змей я не люблю особенно. Однажды меня заперли ночью в серпентарии, многих обитателей которого выпустили из стеклянных клеток. Если бы они предложили мне яблоко с древа познания, я бы как-нибудь с этим разобрался, но они хотели впрыснуть в меня свой яд, лишая меня шанса предотвратить одно из самых чудовищных преступлений в истории человечества.

Я спускаюсь по лугу, в траве по колено, пока не выхожу – и снующие в траве змеи не покусали, и барражирующий в небе беспилотник на голову не свалился – на асфальтированную дорогу, по которой иду к домам.

Они все красивые, построенные в викторианском стиле, с просторными верандами и декоративной вычурностью. В лунном свете все они кажутся неоготическими: ассиметричные, неправильной формы, с островерхими крышами со слуховым окном под коньком, другие окна окружены готическими арками с резными наличниками.

Шесть домов выстроились бок о бок на отдельных участках, а седьмой – самый большой, возвышается над другими, построенный на вершине холма, в тридцати футах выше и в сотне – позади. Свет горит в комнате второго этажа самого большого дома и в нескольких комнатах первого этажа самого дальнего из шести домов, стоящих в ряд.

Поначалу меня тянет к последнему дому в ряду. Я подхожу к нему и чувствую, что идти надо дальше, до конца дороги и вниз по склону, уже по проселку. Под ногами хрустят обломки ракушек.

Пляж неширокий, со стороны материка его подпирает десятифутовый крутой склон, заросший кустами, возможно, дикой олеарией. Трехфутовые волны разбиваются с негромким рокотом, создавая ощущение, что где-то неподалеку похрапывают спящие драконы.

В тридцати футах к северу я улавливаю какое-то движение. Заметив мое приближение, кто-то присел на песке.

Сунув руку под свитер, я вытаскиваю спрятанный на поясище пистолет.

Спрашиваю громко, чтобы перекрыть шум прибоя:

– Кто здесь?!

Темная фигура вскакивает и бежит к заросшему кустами склону. Невысокая, четыре с половиной фута, ребенок, скорее всего девочка. В лунном свете длинные светлые волосы развеваются флагом за ее спиной, потом они исчезают за темными кустами.

Интуиция подсказывает: если девочка не та, кого я ищу, она тем не менее ключ к разгадке происходящего в «Уголке гармонии».

Я тоже спешу к обрыву. Ранее волны дотягивались до самых кустов, но теперь прилив не такой высокий, и между линией прибоя и заросшим кустами склоном есть узкая полоска плотно укатанного песка.

Пройдя сотню футов, но так и не увидев девочку, я осознаю, что прошел мимо. Поворачиваю назад и иду на юг, внимательно вглядываясь в темный склон в поисках тропы, проложенной сквозь густые заросли.

Вместо тропы нахожу темное жерло дренажной трубы, которую не заметил, спеша за девочкой. Труба огромная, наверное, шесть футов в диаметре, уходит в склон и частично замаскирована кустами и лианами.

Подсвеченный сзади скатывающейся к западу луной, я полагаю, что она видит мой силуэт.

– Я не причиню тебе вреда, – заверил я ее.

Когда она не отвечает, протискиваюсь сквозь лианы и делаю два шага вперед по огромной бетонной трубе. Из четкого силуэта превращаюсь для нее в расплывчатый, но она по-прежнему остается невидимой. Может находиться как в сотне футов, так и на расстоянии вытянутой руки.

Я задерживаю выдох, пытаюсь уловить ее дыхание, но рокот прибоя в трубе усиливается, кружась по закругляющейся стенке. Конечно же, я не могу услышать ни тихого дыхания ребенка, ни ее осторожных шагов, если она приближается ко мне из чернильно-черного тоннеля.

Учитывая, что она юная девочка, а я взрослый мужчина, которого она видит впервые, она скорее уйдет подальше, чем попытается вырваться, сбив меня с ног. Такой вариант мог бы реализоваться, будь она совсем дикой или агрессивной и психически неуравновешенной.

Годы столкновений с насилием и паранормальным привели к тому, что мое воображение стало очень уж богатым. Два шага в бетонную трубу, и меня останавливает возникший перед моим мысленным взором образ девочки-блондинки: яростно сверкающие глаза, разошедшиеся губы, оскаленные зубы (между некоторыми застряли мясные волокна с кровью). Кого-то она успела сожрать живьем. Она держит в одной руке огромную вилку с двумя зубьями, а во второй – мясницкий нож, которым ей не терпится вспороть мой живот, словно я – индейка.

Это видение никак не связано с психическим магнетизмом, просто затаившаяся в темноте девочка действует на мои натянутые как струны нервы. Страх, конечно, нелепый, но он тем не менее напоминает мне, что я покажу себя дураком, если – с пистолетом или без – продолжу углубляться в тоннель.

– Извини, если я тебя напугал.

Она молчит.

Здравомыслие выталкивает из головы образ девочки-маньячки, я обращаюсь к нормальной девочке:

– Я знаю, что с «Уголком гармонии» что-то не так.

Моей осведомленности не хватает, чтобы убедить девочку откликнуться.

– Я пришел, чтобы помочь тебе.

Озвучивание моих благородных намерений смущает меня, потому что выглядит похвалой, словно я уверен, будто люди в «Уголке гармонии» ждали моего прихода, а теперь, когда я здесь, могут не сомневаться, что я выправлю ситуацию и накажу виноватых.

Мое шестое чувство особенное, но скромное. Я не супергерой. Собственно, иногда я терплю неудачу, и люди умирают, хотя я отчаянно пытаюсь их спасти. Действительно, мой главный сверхъестественный талант, способность видеть задержавшиеся в этом мире души умерших, здесь не задействован, и мне остается рассчитывать только на опять же сверхъестественно острую интуицию, психический магнетизм, собаку-призрак, сейчас где-то мотающуюся, и понимание роли, которую играет в наших жизнях абсурд. Если бы Супермен потерял способность летать, силу, рентгеновское зрение, неуязвимость для пуль и клинков и остался бы только со своим костюмом и уверенностью в себе, он сумел бы помочь «Уголку гармонии» ничуть не больше, чем теперь, похоже, могу помочь я.

– Я ухожу, – сообщаю я темноте, мой голос глухо отражается от закругленной стены. – Надеюсь, ты меня не испугалась. Я только хочу стать тебе другом.

Я уже начинаю думать, что в трубе я один. Возможно, девочка, которую я видел, знала тропинку, ведущую сквозь кусты на вершину склона. В этом случае скромница, к которой я обращаюсь, является таким же плодом моего воображения, как дикарка с мясницким тесаком.

Как я уже узнал на собственном опыте, дураком чувствовать себя неприятно, и когда ты один, и когда говоришь или совершаешь что-то дурацкое на глазах толпы.

Чтобы не почувствовать себя еще глупее, я принимаю решение выходить из трубы не пятясь, а повернувшись лицом к выходу, не думая о том, кто может оказаться за спиной. На первом же шаге мое воображение нарисовало нож, опускающийся по дуге сквозь темноту, на третьем я ожидаю ощутить, как острое лезвие втыкается в меня рядом с левой лопаткой и пронзает сердце.

Из дренажной трубы я выхожу без единой царапины, поворачиваю налево и шагаю обратно к домам с нарастающим убеждением, что в какой бы фильм я ни попал, он не из тех, в которых людей чем-то кромсают. Когда добираюсь до усыпанной ракушечником тропы, ведущей к дороге, оглядываюсь, но девочки – если девочка и была – нигде не видно.

По асфальтовой дороге я подхожу к последнему из домов, в котором на первом этаже светится пара окон, и решаю в них заглянуть. С кошачьей незаметностью и мышьиной осторожностью поднимаюсь по ступеням на веранду, где слышу женский голос:

– Что тебе нужно?

Пистолет по-прежнему у меня в руке, поэтому я опускаю ее в надежде, что темнота скроет оружие. Оглядываясь, вижу силуэты четырех кресел-качалок с подушками, стоящих рядом. В третьем сидит женщина, едва различимая в свете, пробивающемся сквозь щели в шторах. Я чувствую аромат кофе и смутно вижу кружку, которую она держит обеими руками.

– Я хочу помочь, – говорю я ей.

– Помочь кому?

– Вам всем.

– Почему ты решил, что мы нуждаемся в помощи?

– У Донни шрам на лице. У Холли ампутированы пальцы.

Женщина подносит кружку ко рту. Пьет.

– И со мной кое-что почти случилось, когда я пил пиво и смотрел телевизор.

Она не отвечает.

С веранды прибой слышится более приглушенно.

– Нас о тебе предупреждали, – наконец говорит она.

– Предупреждал кто?

Вместо ответа она продолжает:

– Нас предупреждали, что тебя надо избегать... и думаю, мы знаем почему.

Луна на западе круглая, как крышка карманных часов, и кажется, хотя небо удивительно чистое, что она покрыта сеткой шрамов.

До зари на восточном горизонте еще больше часа. Не знаю почему, но я думаю, что разговорить одного из здешних обитателей проще под покровом ночи.

– Меня накажут, если я что-нибудь расскажу тебе. Строго накажут.

Если бы она уже решила не говорить со мной, то не стала бы сообщать, что такой разговор ей дорого обойдется. Просто предложила бы мне проваливать.

Ей нужен довод, оправдывающий риск, и я думаю, что знаю, как ее мотивировать.

– Я видел на берегу вашу дочь?

Глаза женщины чуть блеснули янтарным светом.

Я сажусь на первое кресло-качалку, оставляя одно между нами, и кладу пистолет на колени.

Не испытывая угрызений совести, я ищу способ манипулировать ею.

– Ваша дочь еще не обезображена шрамами? У нее все пальцы? Ее не наказывали?

– Тебе нет нужды это делать.

– Что именно, мэм?

– Так сильно наезжать на меня.

– Извините.

– Кто ты? – спрашивает она. – На кого работаешь?

– Я агент, мэм, но понятия не имею, чей именно.

И это правда. Я мог бы сказать ей, что я не агент ФБР, ЦРУ, Бюро по контролю за распространением алкогольных напитков, табачных изделий и оружия, и, хотя мне кажется, что мой дар превращает меня в агента какой-то высшей силы, доказательств у меня нет, и я не решаюсь даже говорить об этом из опасения, что меня примут за безумца.

Бесстрастность, с которой она произносит последующие фразы, особенно удивительна, с учетом вложенного в них смысла:

– Джоли, моей дочери, двенадцать. Она и умная, и сильная, и хорошая. И ее убьют.

– Почему вы так думаете?

– Потому что она слишком прекрасна, чтобы жить.

Глава 5

Женщину зовут Ардис, она жена Уильяма Гармони, родители которого построили «Уголок гармонии».

В свое время, говорит она, жизнь здесь была идеальной, насколько такое возможно. Они наслаждались радостями крепкой семьи, работали вместе на общее благо, без единого конфликта, напоминая семью пионеров, которые в другую эпоху осваивали участок земли, производя все необходимое для своих нужд, живя и работая как единый организм.

С момента создания «Уголка», все дети учились дома, причем и дети и взрослые предпочитали проводить большую часть свободного времени, рыбача в бухте, загораая на пляже или гуляя по окрестным холмам. Дети школьного возраста, естественно, выезжали на экскурсии, а иногда ездили с родителями в отпуск за пределы принадлежащего семье участка земли. Все изменилось пятью годами раньше. С того момента «Уголок гармонии» превратился в тюрьму.

Ардис излагает все это таким тихим и спокойным голосом, что иной раз мне приходится наклониться к ней, чтобы не упустить ни единого слова. Она ничем не выдает горя или ожидания утраты, как можно предположить, если она действительно верит, что юную Джולי убьют в наказание за красоту. Нет в ее голосе и страха, и я подозреваю, что ей приходится говорить без эмоций, потому что в противном случае она полностью утратит самоконтроль, необходимый для этого разговора.

«Фактически в тюрьму, – говорит она. – Никто больше не уезжает в отпуск. Никто не ездит на экскурсии. Все дружеские отношения с людьми, которые не члены семьи, разорваны, зачастую в такой грубой манере и с такой злостью, что у бывших друзей нет желания их восстановить. Только один из их семьи может на какое-то время покинуть «Уголок», чтобы побывать в банке и сделать какие-то важные дела. По магазинам они больше не ходят: все необходимое заказывается по телефону и привозится...»

Хотя ее тон и манера остаются будничными, в голосе появляется страх, потому что она запуганная женщина. Я знаю, что она подходит к главному разоблачению, понимаю, что душа ее согнута, но не сломлена. Чувствую отчаяние, вызванное тем, что нет никакой возможности до бесконечности держаться за надежду, отчаяние, идущее от неспособности продолжать сопротивление, давно воспринимаемое напрасным. И все-таки она не сдается на милость беспомощности и отчаяния.

Поэтому я удивлен, когда она замолкает. Побуждаю продолжить, но она молчит, мрачно смотрит на темное море, словно оно призывает ее утонуть в его холодных водах.

Ожидание людям дается с трудом, хотя мы просто обязаны уметь ждать, если хотим познать счастье. Мы нетерпеливо стремимся в будущее и пытаемся сработать его собственными силами, но будущее приходит, когда ему положено приходить, и его не поторопишь. Если мы умеем ждать, то открываем для себя, что больше не хотим будущего, к которому стремились от нетерпения. Ожидание приносит мудрость. Я научился ждать, поэтому жду, чтобы понять, какое от меня требуется действие или жертва, жду, чтобы узнать, куда мне идти теперь, жду дня, когда будет исполнено обещание, данное мне предсказательной машиной. В ожидании и надежда, и любовь, и вера...

Несколько минут спустя Ардис говорит:

– На мгновение мне показалось, что она открывается.

– Что именно?

– Дверь. Моя личная дверь. Как мне рассказать тебе больше, если я боюсь упомянуть его имя или описать, потому что этим могу призвать его сюда до того, как сумею объяснить, в каком мы положении.

Когда она вновь замолкает, я понимаю, о чем речь:

– Говорят, что нельзя произносить имя дьявола вслух, ибо в следующий момент ты можешь услышать его шаги на ступенях своего дома.

– По крайней мере, есть способы, позволяющие справиться с дьяволом, – отвечает она, указывая, что справиться с ее безымянным врагом никакой возможности нет.

Пока я жду продолжения, а она пытается найти безопасный способ рассказать обо всем, темнота за ограждением веранды словно сгущается, накатывает на нас, как черное море – на ближайший берег. Ночь сама по себе – море всех морей, протянувшаяся в самые дальние уголки Вселенной, луна, и все планеты, и все звезды плавают в ней. Я буквально чувствую, как этот дом, и остальные шесть домов, и далекие рестораны, и автозаправочная станция – их огни напоминают огни корабля – поднимаются и покачиваются в ночи, грозя сорваться с якоря.

Найдя вариант, позволяющий рассказать обо всем, не упоминая имени дьявола, Ардис продолжает:

– Ты встречался с Донни. Видел его шрам. Он провинился, и его наказали. Он думал, что сможет обеспечить нашу свободу ножом, понадеялся на хитрость и быстроту. В результате полоснул сам себя.

Я подумал, что неправильно ее понял.

– Он сам так изуродовал себя.

Она поднимает руку, как бы говоря: *«Подожди»*. Ставит кофейную кружку на пол. Кладет руки на подлокотники кресла-качалки, но в ее позе нет никакой расслабленности.

– Если я буду вдаваться в подробности... если объясню, почему он сделал такое с собой, тогда я скажу, чего говорить не должна, ибо сказанное будет услышано и навлечет на нас то, что не должно быть навлечено.

Мое упоминание дьявола в этот момент кажется особенно уместным, ибо ее слова чем-то напоминают мне библейские тексты.

– Донни умер бы, если бы целью была его смерть, но целью были его страдания. Хотя кровь лилась и рана вызывала жуткую боль, он оставался спокойным. И пусть его речь затрудняли разрезанные губы, он попросил нас привязать его к кухонному столу и прижать сложенное полотенце к его рту, чтобы заглушить крики, которые скоро огласили бы дом, и не дать ему откусить себе язык.

Она продолжает ровным голосом, высушивая драматизм и надрыв, но это самоконтроль, который достигается огромным усилием воли. Он же и заставляет верить в правдивость ее невероятной истории.

– Его жена, Дениз, которая кричит и на грани обморока, внезапно берет себя в руки... буквально в тот момент, когда Денни начинает кричать. Она говорит нам, что ей надо остановить кровотечение, продезинфицировать рану, насколько это возможно, и зашить ее. Видите ли, она внесла свою долю в наказание Донни, еще сильнее обезобразив его. Первокласный хирург свел бы урон к минимуму. Повреждены еще и нервы, так что часть лица потеряла подвижность. И теперь всякий раз, глядя на него до конца своей жизни, она будет знать, что должна винить себя за... неспособность сопротивляться и позволение использовать себя. Мы знаем, если не поможем ей, то любой из нас может полоснуть себя по лицу. Мы помогаем. Она зашивает рану...

Кулаки Ардис разжимаются. Вид у нее изможденный, ей приходится анализировать свои слова, прежде чем произнести их, помня о том, что их может услышать тот, кого она боится, тот, кто может вызвать что-то жуткое. И анализ этот забирает все ее физические и душевные силы.

До зари остается менее часа, но темнота, похоже, сгущается, затапливает холмы, сры- вает дома с фундаментов, отправляет в свободное плавание. Эти ощущения всего лишь отра-

жение состояния моего разума; изменение в восприятии реальности, того, что возможно, а что – нет, и на мгновение меня тоже словно уносит в темноту.

Если я правильно понимаю Ардис, невидимое существо, которое вошло в мой сон и попыталось изучить архивы моей памяти, не просто читатель. В их случае это контролер, обладающий огромной властью и еще большей жестокостью, тиран-кукловод. Появившись пятью годами раньше, он превратил «Уголок гармонии» не просто в тюрьму, но создал мини-атюрную империю, карманную вселенную, аналогичную острову, населенному дикарями, где вырубленный из камня бог требует абсолютного повиновения, с той лишь разницей, что *это* ложное божество способно жестоко принуждать к выполнению своих приказов. Оно вошло в разум религиозного Донни и заставило его изуверчить себя, а потом вошло в разум Дениз, и, используя ее руки, сделало так, чтобы лицо Донни навсегда служило наглядным примером того, к чему приводит неповиновение.

Ранее, когда Милый Донни стал Злобным Донни, это самое существо вошло в него и установило свой контроль над ним. И я говорил не со второй и менее приятной личностью автомеханика, а с совершенно другой индивидуальностью, с кукловодом.

На заправочной станции телевизора не было, и Донни бодрствовал, когда в него вселился этот самый кукловод. Выходило, что я далеко не полностью понимаю, как перемещается это существо и как вселяется оно в разум человека. Возможно, просмотр телевизионной программы – совсем не приглашение для этой твари – хотя это правильно, следует поменьше смотреть реалити-шоу о семьях знаменитостей, живущих с гориллами.

Я также осознаю, что под «личной дверью» Ардис подразумевает дверь в ее разум. На мгновение она почувствовала, как эта дверь открывается.

Они живут в неустанном ожидании, что кто-то ворвется в них и установит свой контроль. Как сумели они не сойти с ума за эти пять лет – выше моего понимания.

Хотя я заверяю Ардис, что она сказала мне все, что могла решиться сказать, она поднимает голову и продолжает, тихо и устало, и я понимаю, сколько она уже потратила сил:

– Жена брата моего мужа, Лаура, теперь Гармони, но ее девичья фамилия Джоргенсон. У нее и Стива, ее мужа, трое детей. Среднего мальчика называли Максвеллом, но мы, конечно, звали его Макси.

Меня отрезвляет ее решимость изгнать из голоса драматические интонации и таким образом, как я предполагаю, подавить эмоции, которые могут разжечь эти откровения. Прилагаемые усилия указывают на то, что на каком-то уровне невидимое существо осведомлено о душевном состоянии всех подданных этого маленького королевства. Может быть, эмоциональное возбуждение говорит ему о возможном проявлении неповиновения. Точно так же службы национальной безопасности используют компьютеры для отслеживания миллионов телефонных звонков, но не для того, чтобы слушать все подряд, а для поиска комбинаций определенных слов, чтобы засечь разговор двух террористов.

– Макси всегда выглядел потрясающе. Очаровательный младенец, потом прекрасный карапуз. Хорошел год от года. Ему было шесть, когда все это началось. А когда ему исполнилось восемь, мы узнали, что существует уровень красоты, превышение которого вызывает зависть и требует удаления того, чья внешность вышла за разрешенные пределы.

Ее способность говорить об убийстве ребенка такими будничными словами и таким бесстрастным тоном показывает, что за три года, прошедшие после смерти Макси, она работала и отточила технику самоконтроля, о которой я не могу и мечтать. Она фантастически сдержанна, все чувства задавлены, и это ей необходимо, чтобы выжить... а теперь еще и спасти дочь.

– У Ширли Джексон есть короткий рассказ «Лотерея», связанный с кровавым ритуалом побивания камнями. Все в городе должны участвовать, чтобы что-то ужасное и морально шокирующее казалось нормальным, необходимым для общественного порядка и показы-

вало единство горожан. Те, кто участвует в лотерее, делают это добровольно. Когда возникла необходимость убрать из «Уголка» кого-то прекрасного, в этом участвовали все, один за другим, включая и Макси, но добровольно – никто.

Ужасная сцена, на которую она намекает, держа себя в ежовых рукавицах, вызывает дрожь.

Я внутренне радуюсь, что неуязвим для этого загадочного существа. Но потом у меня возникает мысль, что я слишком самонадеян, и, возможно, со второй попытки кукловод найдет способ открыть мою личную дверь.

Теперь Ардис говорит шепотом:

– Здесь просто камни рассматриваются как прошлый век. Воображение работает. В отличие от истории Джексон, жертву не убивают быстро, с максимальной эффективностью, задача – продлить событие, растянуть во времени, словно речь идет о хорошей игре с дополнительными иннингами, чтобы усилить драматизм и получить максимальное удовлетворение.

Мои ладони влажные от пота. Я вытираю их о джинсы, прежде чем взять пистолет с колен.

– За три года ничья внешность не вызывала такой реакции, – сообщает мне Ардис. – До последнего времени. Потом члены нашей семьи начали завидовать красоте моей дочери, говорить об этом и ей, и мне. Я хочу сказать, что зависть эта к ним отношения не имеет, их заставляют высказывать ее.

У меня сотня вопросов, но, прежде чем я успеваю задать хоть один, Ардис встает и просит меня пройти с ней.

Открывает дверь, и мы входим в дом.

На мгновение я оборачиваюсь к темной веранде и сгустившейся тьме за ее пределами. Закрыв дверь, я запираю ее на врезной замок. У меня такое ощущение, что ночь может подняться на веранду, как злобное чудовище, и войти в дом следом за нами.

Я иду с Ардис по коридору в идеально чистую кухню.

На собственном опыте я убедился, что в «Уголке гармонии» все сияет чистотой. Только тяжелой и неустанной работой можно хоть как-то отвлечь разум от мыслей об отчаянной ситуации, в которой они оказались. Полностью сосредотачиваясь на том, что они могут контролировать, – на поддержании чистоты собственного дома и рабочего места. Это один из способов не дать окончательно угаснуть уголькам надежды.

В свете кухонной лампы я обнаруживаю, что Ардис Гармони – красотка. Возможно, ей под сорок, но кожа у нее чистая, словно утренняя заря, а глаза цвета мятного ликера, и я никогда не видел таких темно-зеленых глаз. Крошечные морщинки можно найти только в уголках глаз, но они свидетельствуют не о старении, а о смелости и железной воле, с которыми она встречает каждый день в «Уголке». Даже теперь глаза чуть сошурены, а губы затвердели от решимости.

Она подводит меня к раковине. Из окна над ней открывается вид на большой дом, стоящий на вершине холма. Как было и раньше, несколько окон горят на втором этаже этого производящего впечатление особняка.

– Родители моего мужа купили этот дом и участок, которые продавали за долги в 1955 году. Тут царила полная разруха. Они все привели в порядок, превратили неудачу в успех, строили новые дома, когда их дети женились или выходили замуж, и семья росла. Они жили в доме на холме, пока не умерли, девять лет тому назад. Билл и я жили там четыре года... пока все не изменилось. Последние пять лет мы живем здесь, внизу.

Не говоря мне прямо, что их контролера и мучителя можно найти в доме на холме, расположенном выше остальных, не называя его имени и не описывая внешность, не облачая просьбу в слова, которые могут привлечь ненужное внимание, она тем не менее показывает

взглядом и выражением лица, что надеется на меня. Возможно, мне, неуязвимому для монстра, удастся войти в логово незамеченным и убить тварь. Я совершенно точно знаю, чего она от меня хочет, пусть и не умею читать мысли.

Если неведомое существо одно, а Гармони много, если оно может в любой момент контролировать только одного из них – история о том, как Донни порезал себя, а Дениз зашивала его рану, вроде бы тому подтверждение, – тогда за пять лет они, конечно, могли бы найти способ сокрушить своего врага. Но я не располагаю достаточной информацией, чтобы понять, почему их рабство длится так долго, или рассчитать вероятность моего успеха в том деле, за которое, она надеется, я возьмусь.

Необходимость выбирать окольный путь для вопросов и сдерживать эмоции усложняет получение необходимых сведений.

– Я ищу человека или что-то еще?

Она отворачивается от окна.

– На эту тему лучше не говорить.

Я настаиваю.

– Человека?

– Да и нет.

– И что это означает?

Она трясет головой. Не решается сказать, боится, что слова, которыми опишет мою цель, позволят ему понять, что мы готовим заговор против него. Из ее слов я делаю следующий вывод: если существо когда-либо устанавливало контроль над человеком, даже после его ухода эти двое остаются скованными одной цепью, пусть связь и не такая крепкая.

– Как я понимаю, он один-единственный.

– Да.

Она смотрит на пистолет в моей руке.

– Этого хватит, чтобы поставить точку? – спрашиваю я.

Ее лицо остается бесстрастным.

– Я не знаю.

Раздумывая над тем, как лучше сформулировать другие вопросы, не подняв психической тревоги в разуме кукловода, я спрашиваю, не позволит ли она мне выпить воды.

Ардис достает из холодильника бутылку «Ниагары», я кладу пистолет на столик и заверяю ее, что обойдусь без стакана.

Для человека, который не спит почти сутки и провел долгий день в трудах и заботах, избыток кофеина так же вреден, как его недостаток. Сонливость и неспособность сосредоточиться могут привести меня к смерти, в той же мере, как нервозность или слишком резкая реакция, обусловленные избытком стимуляторов. Но «Маунтин дью», шоколадные батончики и две таблетки «Ноу-Доз» не сумели полностью разогнать туман в моей голове. Я проглатываю еще одну таблетку кофеина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.